

чтения и изучения книг просветителей, совместных споров и обсуждений прочитанного, наблюдений над действительностью.

Таким образом, иногда получается, что документы, опубликованные в книге, позволяют извлечь из них значительно больше, чем это делает автор; в результате чего порой создается впечатление, что А. И. Старцев обходит молчанием то новое, что дают эти документы, если оно противоречит его концепции.

Так, вслед за многочисленными дореволюционными и целым рядом советских исследователей А. И. Старцев видит причину бунта только в тяжелом материальном положении студентов, утверждая, что Радищев восставал «против жестокого гофмейстера во имя жизненных удобств, о которых шла речь и которых так и не добились студенты», правда, испытывая при этом «ненависть к самовластию и жажду справедливости» (91 стр.).

В действительности же плохое материальное положение, скудость пищи, плохая одежда, скверные жилищные условия не были главной причиной бунта. Основной его причиной было стремление студентов добиться самостоятельности в праве решать самые важные для них вопросы: как, чему, у кого учиться им в университете, по плану ли, навязанному свыше, или по их собственному выбору? Ведь не случайно же сами студенты в коллективном письме от 21 апреля 1767 года все время подчеркивают, что главное для них — это занятия. Они возмущаются тем, что по приезду в Лейпциг не сразу приступили к учению, а «провели целый месяц, занимаясь пустяками».

Наконец, их зачисляют в университет. «Порядок наших занятий, — пишут студенты, — заранее предусмотрен. Мы соблюдаем его в точности, хотя в него вносится много добавочного, а также вещи, противоречащие здравому смыслу. Мы стараемся скрыть от самих себя беспорядок, который царит в нашем маленьком обществе; мы делаем усилия, чтобы преодолеть препятствия, которые ставятся нам, словно нарочно, в наших занятиях... Мы подавляли, однако, в своей душе справедливые жалобы, постоянно имея в виду, что при занятиях спокойствие сердца и духа есть главная движущая сила».¹¹

Эти выдержки в достаточной степени показывают, что пока Бокум не посягал на их духовную свободу, они еще как-то мирились со своим тяжелым материальным положением, хотя, конечно, пытались бороться за свои права, но до бунта дело не доходило.

¹¹ См. письмо студентов А. М. Белосельскому от 21 апреля 1767 года: Архив внешней политики России, ф. «Сношения России с Саксонией», 1767 год, д. 99, лл. 31—32. Приведено в книге Старцева на стр. 103—105. Современный русский перевод. Подлинник на французском языке.